УДК 81-23

**Т.В.Шмелева**

# СЛОВЕСНАЯ СОСТАВЛЯЮШАЯ УВЕКОВЕЧЕНИЯ КАК КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматривается одна из составляющих культурной практики увековечения в России — словесная. Анализируется терминология практики, группирующаяся в основном вокруг трех корневых гнезд — *увековеч-, память, мемориал-*; в том числе этимология терминов, их отношение к литературному языку и научному дискурсу. Показано, что необходимость обозначать увековечение как практику появляется только в XIX веке. При анализе текстов, обслуживающих практику увековечения, выявляется их репертуар связь с именованием и переименованием. Рассматриваются такие тексты, как табличка с названием улицы, мемориальная доска, медиатексты и юридические документы. Отмечено, что словесная составляющая практики увековечения взаимодействует с визуальными, скульптурными и событийными составляющими, а дискурс увековечения пересекается с дискурсами власти и медийным, что держит его в центре общественного внимания.

***Ключевые слова***: культурная практика, увековечение / мемориализация, словесный, именование, переименование, мемориальный текст, мемориальный дискурс

Культурная практика увековечивания как предмет научного интереса предполагает ряд аспектов рассмотрения. Прежде всего важна структура этой практики — ее основные действующие лица, объекты, инструментарий и результаты; а также ее место в современной культуре и в истории; связь с городской средой. Часть этих вопросов обсуждалась в докладе на конференции «Новгородика 2015» [1]; за его рамками остались не менее интересные вопросы, в том числе о словесной составляющей увековечения, а он заслуживает особого рассмотрения, чему и посвящена настоящая работа.

Ее содержание составляет анализ терминологии увековечения и текстов, в которых эта культурная практика осуществляется. Стоит особо отметить, что тексты с семантикой увековечения, составляющие важнейший момент практики, формируя дискурс увековечения, в сегодняшней социокультурной ситуации занимающий весьма заметное место. При рассмотрении словесной составляющая культурной практики увековечения важно иметь в виду, что она используется наряду, а часто в совокупности с другими составляющими — изобразительной, скульптурной, событийной, музейной.

Терминология увековечения представляет собой небольшой по объему круг слов, центральное место в котором занимают корневые гнезда — *увековеч-*, *памят-*, *мемориал-*. Рассмотрение логично начать с первого корневого гнезда, включающего и наименование самой практики.

Наблюдение над лексикографическим описанием интересующих нас лексем позволяет сделать следующие выводы. Древнерусский язык таких лексем скорее всего не знал, судя по материалам Срезневского [2], а в XIX веке они уже были известны. Так, в академическом словаре зафиксированы два существительных *увековечение* и *увековечивание*; глаголы *увековечить*, *увековечивать*, их рефлексивы и причастие *увековеченный*; судя по единственному примеру, описываемое этими лексемами действие не мыслилось по отношению к текущей действительности: *История увековечила и милосердие Тита, и злодеяния Нерона* [3]. В словаре Даля представлен глагол *увековечить*, все имеющиеся в академическом словаре производные, а также обозначения лиц — *увековечитель* и *увековечительница* [4]. В первой половине XX века не фиксируются существительные с семантикой лица и глагол несовершенного вида, остальные лексемы иллюстрированы примерами из классической литературы (*Античные позы, в которых увековечилась красота греческих женщин.* Гончаров) и типовыми речениями (*Подвиги увековечили героев; У. память героев)* [5]. Один из последних словарей особой статьей представляет глагол *увековечить* с пометой «книжн.»; как его производные даются глагол несовершенного вида, два отглагольных существительных; единственная иллюстрация повторяет «ушаковскую»: *У. память героев* [6]. Таким образом, можно сказать, что на протяжении двух веков новых слов с этим корнем не появилось, скорее это гнездо сокращалось.

Что касается происхождения глагола *увековечить*, то сообщается, что он образован повторением основы *век* [7], что, однако, вызывают недоверие. Перепроверить ее мешает отсутствие слов этой группы в этимологических словарях, а на роль этимона «напрашивается» выражение *веки вечные*, означающее «всегда» и зафиксированное с примером из жалованной грамоты XIV в.: *Дал ему есмо на веки вечные* [8]; приводимое и в других словарях [9]. Это выражение выступает производящим для прилагательного *вековечный* и наречия *вековечно* [10], что повышает вероятность считать производным от него и глагол *увековечить*. Убеждает в такой версии и толкование этого глагола у Даля — «сделать, установить на вечные времена» [11], то есть на веки вечные. Как представляется, приведенныефакты позволяют следать вывод: этимон глагола *увековечить* — церковнославянское выражение *веки вечные*, от которого образован глагол с помошью префикса *у-*, как *усмирить*, *устыдить*, *умиротворить*.

Данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) позволяют уточнить детали. Так, материалы Корпуса показывают, что глагол *увековечить* встречается с начала XIX века: *Чтобы* ***увековечить*** *изданием всего трактата сего, толико в государстве об эпохе сей, смертнозаразоносящейся чуме всестрашнейшей самонужнейшего, всенеусыпнейшее прилагал повсегдашнее о сем попечение свое Афанасий*

*Филимонович Шафонский, муж изученнейший в познаниях наук и словесностей и в познании преизящнейшей науки врачебной* (Д. С. Самойлович. 1803). Дериват несовершенного вида встречается в более поздних текстах: *Каждое событие своей жизни она любила* ***увековечивать*** *медалями* (П.П. Каратыгин. 1870). Еще позже появляются субстантивы *увековечение*/*увековечивание* (самый ранний пример — 1884 г., П.Д. Боборыкин). Их стилистика не изменилась, и сегодня они типичны для текстов преимущественно официального характера: *Мероприятие было организовано в рамках грантового проекта «Карта Памяти», представленного общественной палатой г. Канска, который предусматривает* ***увековечивание*** *памяти Героев войны* (Е.Чистова. «Карта памяти» для ветеранов войны // Комсомольская правда. 3.05.2011).

Статистика НКРЯ показывает, что глаголы в разных формах используются в текстах активнее девербативов, при этом наиболее востребован инфинитив (примеры выше) и формы прошедшего времени: *расцвет петербургской красоты совпал с веком Пушкина, который ее и* ***увековечил*** (М.В.Добужинский. 1938); *Высокому развитию письменного дела в древнем Новгороде всегда соответствовало обилие книжных писцов... Естественно, что они чаще, чем мастера иных специальностей,* ***увековечивали*** *свои имена в собственноручных записях* (Н.Г.Порфиридов. 1947).

Итак, стержень лексикона увековечения составляет гнездо с одноименным корнем, включающее слова всех грамматических частей речи, что обеспечивает их активное использование в дискурсе увековечения.

Из многочисленного корневого гнезда *память* в термины увековечения вовлечено только несколько лексем: ведь основное значение ключевого слова лежит в сфере личностных свойств, а увекочение принадлежит социальной сфере. Интересно, что *память* оказывается объектом увековечения, фигурируя в высказываниях типа *увековечить память о…*

Из производных слова *память* в лексиконе увековечения оказываются прежде всего прилагательное *памятный* и субстантив *памятник*. Именно о памятниках часто идет речь при обсуждении увековечения человека, события, даты.

Ключевым понятием этой части лексикона стоит признать термин *коллективная память*, который принадлежит понятийному аппарату социологии, но используется и в медиатекстах: *Пространство* ***коллективной памяти*** *пропитано «в нагрузку» к истории риторикой воспитания* (М.Рожанский // Неприкосновенный запас. 2010); *По-моему, значение ТВ как формы* ***коллективной памяти*** *на глазах убывает* (В.Павленко // Труд. 13.05.2004).

Третье корневое гнездо образуется корнем *мемориал-*, представляющим собой основу латинского прилагательного от слова *память* (memoria). В интересующем нас аспекте ключевым словом этого гнезда должно быть признано слово *мемориализация*, хотя и отсутствующее в словарях литературного языка [12], но активно используемое в работах культурологов, историков литературы, музееведов. Как доказательство его синонимичности со словом *увековечение* можно привести фрагмент научной статьи, где речь идет о «мемориализации (или говоря по-русски, но более громоздко: увековечивания памяти)» [13]. Более распространены в текстах и представлены в словарях слова *мемориальный* (митинг, доска) и *мемориал*. Научный дискурс пополняет это гнездо терминоми *коммеморация* [14]. К этому этимологически латинскому гнезду примыкает и серия слов во французской огласовке — *мемуар(ы), мемуарист(ка).*

Помимо этих, безусловно, ключевых лексем, в термины увековечения входят слова *прошлое* как презумптивный смысл памяти, *исторический*; *монумент, бюст* как реализации скульптурной составляющей увекочения; *подвиги, заслуги* как основание для увековечения; а также пропозитивная лексика типа *установить, воздвигнуть, соорудить* или *провести, организовать*, которая воспринимается как служебная, позволяющая строить высказывания типа *установлен памятник, мемориальная доска, организована памятная акция* и под. Таков терминологический лексикон, на котором «держится» дискурс увековечивания, ее антонимическую часть составляют слова *забвение, равнодушие, безразличие к памяти*.

Переходя к вопросу о текстах увековечения, следует отметить, что это понятие трактуется здесь широко — от памятного имени до эпического произведения об исторических событиях и личностях.

Элементарным текстом увековечения оказывается письменная фиксация**.** Письмо, собственно, и изобретено как сопротивление мимолетности устной речи, записано — значит, сохранено навечно: *Комната выглядела бы пустоватой, если бы не стопки журналов и книг, кучи папок с рукописями, черновиками, заметками и эмбрионами дневников, которые Гоша время от времени начинал вести, но тут же бросал, забывая о том, что каждый день, по его собственному решению, должен быть* ***увековечен*** *на бумаге* (Андрей Белозеров. Чайка. 2001). К этому сводится и традиция увековечивания своего имени на стенах и других поверхностях города, что получило отражение и в художественных текстах: *Белые стены были покрыты надписями, в которых изощрялись российская безнадёжная любовь и тщеславное стремление* ***увековечить*** *своё имя* (Г.А. Газданов. Вечер у Клэр. 1930). Такие акты «самоувековечения» приравниваются к вандализму, в то время как для официальных увековечивающих записей существуют специальные пространства и артефакты, например: *Имена лауреатов и номинантов конкурса заносятся в* ***«Золотую книгу славы России»****, призванную увековечить память о награжденных* (А.М. Воловик. «Честь превыше выгоды!» // Наука и жизнь. 2006).

Второй вид текстов увековечения — присвоение имени увековечиваемого разнообразным объектам, которые с этого момента наряду со своей основной функцией выполняют дополнительную — функцию увековечивания. Для **именования** выбираются разнообразные пространства — от далеких планет и горных вершин до городских улиц и площадей; социальные институции — заводы и фабрики, университеты и

больницы; объединения людей — хоры; а также артефакты — корабли и подводные лодки. Результаты использования такой техники увековечивания входят в общий лексикон и потому хорошо известны, как бесчисленные *улицы Ленина, кондитерская фабрика Крупской, университет имени Ломоносова, больница Склифосовского, хор Пятницкого, фрегат «Адмирал Горшков»*.

Не надо проводить специальных исследований, чтобы заключить, что из словесных техник увековечивания наиболее эксплуатируемой оказывается именование, или, как пишется в официальных документах, присвоение имени. В результате складывается «мемориальная топонимика» [15], характерная, как кажется, для многих современных стран. Центр Помпиду в Париже; аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке, город Хошимин во Вьетнаме убеждают, что увековечивать именованием — всеобщая практика, вопрос только в том, каков ее объем в ономастическом ландшафте. Что касается россиян, то они травмированы такой топонимикой, видимо, надолго, и не могут отказаться от нее, стремясь только к замене увековечиваемых, — красных на белых, пролетариев на дворян, пролетарских вождей на монархов и т.п. — зеркально тому, что происходило почти сто лет назад.

Важно отметить, что наряду с увековечиванием существует и практика «разувековечивания», что в обсуждаемых случаях означает «переименование», то есть просто «вычеркивание» из социальной памяти, из коммеморации. Такого рода массовые символические действия производят на сломе эпох. Так, в начале прошлого века на карте России было заменено более 2500 имен; многие из них были возвращены в конце века — в 1990-е (эта ситуация описана [16], см. ее анализ с лингвистических позиций [17]).

Сегодня аналогичную ситуацию можно наблюдать на Украине [18]. Характерно, что практика «разувековечивания» началась с элементов монументальной коммеморации — памятников, а затем переключается на именование городов и улиц. Идеология слома не всем очевидна (ясно только, от чего надо избавиться согласно «закону о декоммунизации»), на что заменять — не понятно. Так, «губернатор Жебривский, например, объявил о том, что выплатит из своей зарплаты 10 тыс. грн тому, кто придумает новое имя для города Дзержинска. Победителей пока нет» [19].

Российский опыт говорит о том, что любое переименование — культурная травма для кого-то, даже если другие воспринимают действие как торжество исторической справедливости (недостойный — разувековечен!). Замечательное подтверждение этому можно найти в материалах сборника о культуре Перми, где один из авторов художественно представляет культурную травму переименования Молотова в Пермь: «Когда в 1957 году мой звонкий город молодости Молотов, город молотобойцев, мускулов, моторов, мотоциклов, город молодцов, мой любимый город победы над немцами вдруг переименовали в какую-то старую, изношенную посконную и рыхлую Пермь, я пережил шок. Я не хотел быть пермяком-солены-уши» [20]. Конечно, «шок» автора связан не переживаниями по поводу персоны Вячеслава Михайловича Молотова и переоценки его роли в истории советского государства, имя города он воспринимал не как увековечивающее, а как отражающее существо молодого индустриального города. Такого рода травмы пережиты многими гражданами России, как и теперь Украины.

Собственно языковой аспект именования можно показать на онимах, связанных с Лениным, которых в СССР было неисчислимое количество: синтаксическая конструкция типа «*Библиотека имени Ленина*» конкурирует с более простыми типа *Улица Ленина*, колхоз «*Заветы Ильича*», а также с рядом производных от имени увековечиваемого: *Ленинский проспект, Ленинград, Лениногорск, Ленино, Ленинабад, Ленинакан, Ульяновск, Ильичевск* (всего в честь Ленина было названо 16 населенных пунктов) [21]. Несмотря на разнообразие языковых техник деривационного типа, вариации фамилия/имя/псевдоним и даже отчество, все-таки основным языковым средством оказывался родительный падеж, который и сегодня присутствует на картах российских городов. Травма родительного падежа, внесшего в русский язык массу несклоняемых наименований, что противоестественно для русского языка, еще не изжита. Так семиотическая техника увековечивания сказалась на русском языке, внеся в его грамматику чуждые явления.

Третий вид увековечения более сложный, он предполагает создание специального текста, который принято называть мемориальным [22]. Такого рода тексты имеют собственную семантику, грамматику и даже, можно сказать, поэтику; важно и то, что они располагаются на специальных поверхностях, которые называются «мемориальными досками», на месте, связанном с жизнью и деятельностью увековечиваемого. Таким образом, происходит увековечивание не только персоны, но и места, что делает городскую среду семиотизированной, связанной с историей города, его заслуженными гражданами.

Порядок принятия решения о мемориализации мест города, установке мемориальных досок и поддержании их в надлежащем состоянии определяется юридически; так, в интернете опубликовано «Положение о мемориальных досках и других памятных знаках гг. Костромы» (http://www.zakonprost.ru/content/regional/ 30/1425588); Петрозаводска (http://kultura.ptz.ru/section/4/komissiya-po-kulturno-istoricheskomu-naslediyu/pologenie-o-doskah/); Долгопрудного (http://www.bestpravo.ru/ moskovskaya/yb-akty/x1b.htm), Великих Лук (http://www.russian-north.com/sekciya7/topic-j/locat_z1xearlv.htm). Так соединяются словесные средства и пластические: за изготовление досок берутся скульпторы, они часто включают изображение, сами доски отличаются художественностью и оригинальностью.

Монументальные сооружения (памятники и обелиски, бюсты и мемориальные комплексы) тоже не обходятся без словесного элемента. И такие тексты, как «Никто не забыт и ничто не забыто» или «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен», включенные в мемориальные комплексы, входят в современную культуру.

Распространенность таких текстов, как табличка на доме с названием улицы, вывеска с названием учреждения, мемориальная доска на стене дома, в городской среде избавляет от необходимости приводить их примеры как со стороны словесного наполнения, так и общего вида. Но важно подчеркнуть, что они оказываются итоговой точкой увековечивающего дискурса, развертывание которого жители разных городов многократно наблюдали. Его исходной точкой оказывается текст-инициатива увековечить кого-то каким-то способом — это может быть письмо частного лица в структуры городской власти, официальное письмо организации или медийный текст, опубликованный в средствах массовой информации.

За ними следуют дискуссии, которые могут ограничиться кулуарным обсуждением в топонимической комиссии, например, или растянуться на долгие годы с участием прессы, активистов и «широких масс». Именно так обстоит дело с многолетними спорами о возвращении Краснодару названия Екатеринодар, Ульяновску — Симбирск, а Волгограду — Сталинград.

Как завершение дискуссий выступает юридический текст — решение соответствующего органа о присвоении имени объекту, а за ним уже в городской среде появляются таблички**,** вывески**,** мемориальные доски. Не исключено возникновение дискуссии с обсуждением этого решения, но это уже не влияет на развитие событий.

Таким образом, дискурс увековечивания пересекается с дискурсом власти и медиадискурсом, входит в ткань повседневных разговоров о городе и социальной памяти, о тех, кого сегодня увековечивают, а кого предают забвению. Именно поэтому он занимает столь значимое место в современной культуре повседневности, культуре города и культуре памяти. Без преувеличения можно сказать, что словесный компонент оказывается ведущим в практике увековечивания, при том что репертуар ее средств отличается широтой и семиотическим разнообразием.

---


1. Шмелева Т.В. Культурная практика увековечения и ономастикон Великого Новгорода // Новгородика 2015 (в печати).
2. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. СПб., 1893. Т. 1.
3. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб. 1847. Т. 4.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Репринт. М., 1989. Т. 1. С. 463. (по изданию — М., СПб. 1880).
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.4. М., 1940. С. 866.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. М., 2008. С. 1014.
7. Там же.
8. Материалы… С. 465.
9. Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г.Дьяченко. Репринт. М, 2006. С. 114. (по изданию — 1898).
10. Даль В., Толковый словарь…С. 330.
11. Там же. С. 463.
12. Толковый словарь с включением…; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007.
13. Купцова О.Н. Первые русские литературные музеи: опыт мемориализации (2011). URL: http://www.domgogolya.ru/science/researches/1373/ (дата обращения 01.11.2015).
14. Нора П. Эра коммерации // Франция — память. Пер. с франц. СПб, 1999. Из отечественных авторов это понятие используют: Еремеева С. Монументальная память // Отечественные записки. 2008. № 4. URL: http://www.strana-oz.ru/2008/4/monumentalnaya-pamyat; Она же. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. М., 2010. С. 885-927; Макашова А.С. Праздник как место памяти // Концепты культуры и концептосфера культурологии. СПб, 2011. С.326-327.
15. Поспелов Е.М. Имена городов: вчера и сегодня (1917—1992): Топонимический словарь. М., 1993. С.14.
16. Там же.
17. Шмелева Т.В. Переименование как ритуал расчетов с прошлым // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира: материалы Всероссийской науч. конференции, 21—22 окт. 2008 г., Великий Новгород, 2008. С.383—386.
18. Кириллов Д. От сноса памятников к переименованию городов // Газета.ру. 27.09.2015. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/09/26_a_7778987.shtml.
19. Там же.
20. Королев А. Молотов в китовом чреве Перми. Герменевтический этюд // Город > Пермь. Смысловые структуры и культурные практики / Отв. ред. В.В.Абашев. Пермь, 2009. С. 104.
21. Поспелов Е.М. Указ. соч. С. 14.
22. Быкова Е.В. Речевая организация модульного текста: монография. СПб, 2011. С.122-201.


**References**


1. Shmeleva T.V. Kulturnaya praktika uvekovecheniya i onomastikon Velikogo Novgoroda // Novgorodika 2015 (v pechati).
2. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. trud I.I.Sreznevskogo. SPb., 1893. T. 1.
3. Slovar cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj vtorym otdeleniem imperatorskoj akademii nauk. SPb., 1847. T. 4.
4. Dal V. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalya. Reprint. M., 1989. T. 1. S.463. (po izdaniyu – M., SPb., 1880)
5. Tolkovyj slovar russkogo yazyka / pod red. D.N.Ushakova. M, 1940. T. 4. S. 866.
6. Tolkovyj slovar russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proisxozhdenii slov / otv. red. N.Yu.Shvedova. M., 2008. S. 1014.
7. Tam zhe.
8. Materialy… S. 465.
9. Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar / sost. G.Dyachenko. reprint. M., 2006. S.114. (po izdaniyu – 1898).
10. Dal V. Tolkovyj slovar…S. 330.
11. Tam zhe. S. 463.

12. Tolkovyj slovar s vklyucheniem…; Krysin L.P. Tolkovyj slovar inoyazychnyx slov. M., 2007.
13. Kupcova O.N. Pervye russkie literaturnye muzei: opyt memorializacii (2011). URL: http://www.domgogolya.ru/science/researches/1373/.
14. Nora P. Era kommeracii // Franciya – pamyat. per. s franc. SPb., 1999. Iz otechestvennyx avtorov eto ponyatie ispolzuyut: Eremeeva S. Monumentalnaya pamyat // Otechestvennye zapiski. 2008. №4. URL: http://www.strana-oz.ru/2008/4/monumentalnaya-pamyat; ona zhe. Monumentalnye praktiki kommemoracii v rossii xix i nachala xx veka // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya – Vostok – Zapad. M., 2010. S. 885-927; Makashova a.s. Prazdnik kak mesto pamyati // Koncepty kultury i konceptosfera kulturologii. SPb., 2011. S. 326-327.
15. Pospelov E.M. Imena gorodov: vchera i segodnya (1917—1992): toponimicheskij slovar. M., 1993. S.14.
16. Tam zhe.
17. Shmeleva T.V. Pereimenovanie kak ritual raschetov s proshlym // Brennoe i vechnoe: socialnye ritualy v mifologizirovannom prostranstve sovremennogo mira: materialy vserossijskoj nauch. konferencii, 21—22 okt. 2008 g., Velikij Novgorod, 2008. S. 383-386.
18. Kirillov D. Ot snosa pamyatnikov k pereimenovaniyu gorodov // Gazeta.ru. 27.09.2015. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/09/26_a_7778987.shtml
19. Tam zhe.
20. Korolev A. Molotov v kitovom chreve Permi. germenevticheskij etyud // Gorod > Perm. smyslovye struktury i kulturnye praktiki / Otv. red. V.V.Abashev. Perm, 2009. S. 104.
21. Pospelov E.M. Ukaz. soch. S. 14.
22. Bykova E.V. Rechevaya organizaciya modulnogo teksta: monografiya. SPb., 2011. S.122-201.

**Shmeleva T.V. Verbal constituent of cultural practices of immortalization.** The article observes the verbal constituent of cultural practices of immortalization in Russia. The terminology of the practices is analyzed and it`s grouped around the three root of the word – увековеч-, память, мемориал-; etymology of the terms, its connection with the literature language and the science discourse are reviewed. It is shown, that the need to designate immortalization as a cultural practice appears only in the XIX century. During the analysis of the texts, serving the practice of the perpetuation, their repertoire and connection with naming and renaming are revealed. There are observed such texts as a plaque with the name of the street, a memorial plaque, media texts and law documents. It is noted that the verbal component of the perpetuation interacts with the visual, sculptural and event ones and the discourse of the perpetuation crosses with the discourses of power and media which keeps him in a public eye.

***Keywords:*** cultural practices, immortalization, verbal, naming, renaming, memorial text, memorial discourse.

Сведения об авторе. Т.В.Шмелева — доктор филологических наук ,профессор; профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; szmiel@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.12.2015.